ГОДЪ КІЕВСКІЯ XL.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Цѣна годовому изданію 4 руб. съ пересылкой.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ 1 и 16 чиселъ.

1901 года. № 18. 15 Сентября.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

СЛОВО

въ день Рождества Пресвятыя Богородицы, въ храмовой праздникъ Кіево-Софійскаго собора[1]).

„Блаженъ человѣкъ, иже обрѣте премудрость“ (Притч. 3, 13).

Въ храмѣ во имя Софіи—Премудрости Божіей и въ храмовой праздникъ наиболѣе соотвѣтственна мѣсту и времени рѣчь о премудрости, какъ христіанской добродѣтели. Мудрѣйшій изъ людей—царь Соломонъ, ублажая человѣка, обрѣтшаго премудрость, похваляетъ ее, какъ высшее наше благо. „Премудрость, поучаетъ онъ насъ, дороже серебра и золота (Притч. 3, 14); она прекраснѣе солнца,—превосходнѣе сонма звѣздъ; въ сравненіи съ свѣтомъ она выше: ибо свѣтъ смѣняется тьмою, а премудрости не превозмогаетъ ничто“

[1]) Произнесено въ Кіево-Софійскомъ соборѣ 8 сент. 1900 г.

(Прем. Сол. 7, 29. 30). Поэтому пріобрѣтеніе премудрости, особенная любовь къ этому высшему нашему благу составляютъ, бр., намъ священный долгъ. Размышленіе объ этомъ священномъ долгѣ и будетъ предметомъ нашего слова.

Современное широкое развитіе дѣла просвѣщенія, разнообразныя стремленія и пути къ обогащенію полезными знаніями,—краснорѣчиво свидѣтельствуютъ, что и въ наше время и въ нашей благословенной странѣ живо сознается долгъ пріобрѣтенія премудрости, лучшаго блага людей. Но одновременно съ истиннымъ пониманіемъ премудрости и шествованіемъ къ ней путемъ царскимъ—прямымъ со стороны однихъ, большинство другихъ усиленно домогается такой премудрости, которая не доставляетъ обладателямъ ея полнаго блаженства. Имѣемъ въ виду тѣхъ, которые считаютъ обладателемъ премудрости человѣка многознающаго, съ широкимъ умственнымъ развитіемъ. Въ самомъ ли дѣлѣ, въ одномъ знаніи заключается премудрость? Конечно, скажемъ словами св. Григорія Богослова, „всякій имѣющій умъ признаетъ первымъ для насъ благомъ ученость, не только нашу христіанскую ученость, а и ученость внѣшнюю“, т. е. языческую (Изъ похв. сл. св. Вас. Велик.). Однако не слѣдуетъ забывать при этомъ и того, что всякая ученость,—и въ смыслѣ совокупности человѣческихъ знаній, и въ смыслѣ совершеннѣйшаго знанія одного какого-либо предмета,—лишь сильна утолить голодъ ума. А вѣдь мы живемъ, какъ всякому извѣстно, не умомъ однимъ, а и сердцемъ. Поэтому едва-ли можно считать обрѣтшими истинную премудрость тѣхъ проповѣдниковъ исключительнаго поклоненія наукѣ и знанію, которые во взаимныхъ отношеніяхъ надменны горды, пренебрежительны къ мнѣніямъ другихъ. Эти признаваемые мудрецы, повидимому, авторитетъ своихъ личныхъ мнѣній нерѣдко поставляютъ выше всего. Вслѣдствіе этого мирная область знаній иногда у нихъ становится полемъ борьбы, гдѣ авторитеты мудрости безпощадно изобличаютъ

другъ друга въ неуваженіи къ началамъ научности и явно заявляютъ нетерпимость къ чужимъ мнѣніямъ и взглядамъ. Не убѣждаетъ ли это каждаго изъ насъ сказать, что истинно-премудрый долженъ имѣть не только просвѣщенный разумъ, но и чистое сердце,—сдѣлаться не только ученымъ человѣкомъ,—но и добрымъ христіаниномъ, такъ чтобы свѣтъ знаній въ его душѣ согрѣвался пламенемъ христіанской любви?!. „Мудръ-ли и разуменъ кто изъ васъ, говоритъ св. апостолъ Іаковъ, докажи это на самомъ дѣлѣ добрымъ поведеніемъ, съ мудрою кротостью" (гл. 3, ст. 13). Итакъ вотъ въ чемъ заключается истинная христіанская премудрость—въ добромъ христіанскомъ поведеніи.

Для общаго назиданія раскроемъ съ нѣкоторою подробностію, по указанію нашей Кіево-Софійской храмовой иконы, въ чемъ должно проявляться доброе поведеніе христіанина, чтобы оно служило выраженіемъ его премудрости. На храмовой Кіево-Софійской иконѣ мы зримъ Пречистую Матерь Божію, стоящую на серповидной лунѣ, покоящейся на облакѣ, а подъ облакомъ амвонъ съ семью ступенями. На ступеняхъ снизу на первой написано: „вѣра", на второй—„надежда", на третьей—„любовь", на четвертой—„чистота", на пятой—„смиреніе", на шестой—„благодать", на седьмой облачной, у ногъ Богородицы—„слава". По древнему церковному преданію, Матерь Божія есть воплощенная премудрость (софія—на языкѣ греческомъ). Сія премудрость превознесенна выше облаковъ, даже до небесъ. Начертанныя на лѣстницѣ амвона добродѣтели—дѣянія премудраго. На первой ступени написано: „вѣра". Это значитъ, что истинный мудрецъ въ христіанскомъ смыслѣ слова, прежде всего долженъ быть и всегда бываетъ глубоко-вѣрующимъ. Еще не обладатель христіанской премудрости тотъ, кто, употребивъ всякое стараніе къ пріобрѣтенію блестящаго образованія своего ума, овладѣвъ разными иностранными нарѣчіями, не изучалъ право-

славно-христіанскаго богословія и не выразилъ желанія понять языкъ общей матери нашей—св. церкви. Премудрый христіанинъ прежде всего тщится укоренить въ сердцѣ своемъ правую вѣру въ Бога, и вмѣстѣ съ тѣмъ старается выразумѣть эту вѣру посредствомъ здравыхъ познаній о предметахъ религіозныхъ, такъ-что онъ „готовъ присно ко отвѣту всякому вопрошающему словесе о нашемъ упованіи“ (Петр. 3, 15).

Съ правой вѣрой премудрый соединяетъ крѣпкую надежду, которая у него не есть простое ожиданіе земныхъ благъ, а чаяніе небеснаго. Надежда премудраго есть неослабная и постоянная увѣренность въ ниспосланіи свыше для насъ необходимыхъ благъ и всякія помощи отъ Бога. И надежда никогда не постыждаетъ премудраго: въ скорбяхъ его она—истинное утѣшеніе; при ощущеніи грѣховнаго состоянія—якорь, на которомъ утверждается мятущаяся совѣсть.

По ученію слова Божія, цѣну всѣмъ поступкамъ христіанина придаетъ любовь; и христіанская премудрость тѣсно должна быть соединена съ любовію. Христіанская премудрость тѣмъ и начинается, что, говоря о Богѣ, излившемъ на насъ всѣ милости, заставляетъ насъ любить Его, и вселяетъ въ насъ благоговѣйный трепетъ, какъ-бы не оскорбить Господа своими грѣхами; въ этомъ смыслѣ и сказано въ Свящ. Писаніи: „начало премудрости—страхъ Господень“ (Притч. 1, 7). А кто боится Бога, тотъ близокъ къ Нему, потому-что всѣми силами старается разрушить преграду, отдѣляющую насъ отъ Бога, т. е. очиститься отъ грѣха. Вотъ почему „въ лукавую душу не войдетъ премудрость“ (Премудр. Сол. 1, 7), ибо въ кого она входитъ, того дѣлаетъ другомъ Божіимъ. Но кто близокъ къ Богу, тотъ не можетъ быть далекъ и отъ людей: „любящій Бога любитъ и ближняго своего“ (1 Іоан. 4, 21). Истинный мудрецъ отзывчивъ ко всѣмъ нуждамъ своихъ ближнихъ: онъ скорбитъ ихъ скорбями, ихъ радость—его радость

(Римл. 12, 14). Ничто не можетъ быть отраднѣе для премудраго, какъ сдѣлать добро другому, во исполненіе заповѣди Спасителя: „будьте милосерды, какъ и Отецъ вашъ милосердъ“ (Лук. 6, 36). Поистинѣ блаженъ тотъ, кто найдетъ такую премудрость!

Правая *вѣра*, крѣпкая *надежда* и пламенная *любовь* производятъ въ премудромъ *чистошу* духа и тѣла, всѣ дѣянія его исполняютъ полнымъ *смиреніемъ*, постоянно возводятъ его взоръ къ Престолу *благодати* Божіей, съ помощію которой онъ при жизни своей великъ передъ Богомъ и людьми, а по упокоеніи своемъ наслѣдникъ царства славы,—того царства, коего первая наслѣдница Матерь Божія. Таково, по указанію Кіево-Софійской храмовой иконы, должно быть наше „доброе поведеніе съ мудрою кротостію“, чтобы служило оно выраженіемъ премудрости.

Братія—христіане! Сей древній храмъ Божій, посвященный Премудрости Божіей, пусть напоминаетъ вамъ всегда о первѣйшемъ долгѣ христіанина—пріобрѣтать истинную христіанскую премудрость. „Аще же кто отъ васъ лишенъ есть премудрости, да проситъ отъ дающаго Бога всѣмъ нелицепріемнѣ, и дастся ему. Да проситъ же вѣрою, ничтоже сумняся“ (Іак. 1, 5—6).

Обезпеченіе духовенства путемъ взаимопомощи.

I. Общія положенія.

Наше духовенство, въ смыслѣ обезпеченности, занимаетъ одно изъ послѣднихъ мѣстъ въ ряду разныхъ классовъ русскаго общества. Существующее и даже укоренившееся мнѣніе, будто духовенству живется лучше всѣхъ, будто оно вполнѣ обезпечено въ своихъ житейскихъ потребностяхъ, будто имущественное положеніе священника представляетъ собою идеалъ,

котораго достигаютъ лишь „счастливцы“, прошедшіе длинный искусъ семинарскаго ученія,—это мнѣніе въ высшей степени ошибочно. Если еще въ прежнее „доброе“ старое время священнику жилось хорошо, то этому способствовали исключительно условія тогдашней жизни. По справедливому замѣчанію автора одной замѣтки по нашему вопросу (Кіевск. Епарх. Вѣд.“ № 15. 1897 г.), старики—священники прожили при гораздо болѣе благопріятныхъ условіяхъ: и жизнь тогда обходилось дешевле, и прихожане были щедрѣе, и воспитаніе дѣтей требовало несравненно менѣе средствъ, чѣмъ въ настоящее время. И не взирая на такія внѣшнія условія священническаго благополучія, случались у него и тогда минуты тяжелыя, отравлявшія это самое благополучіе: стоитъ вспомнить выдающееся произведеніе Н. Некрасова „Кому на Руси жить хорошо“ въ той его части (гл. 1-я), гдѣ поэтъ даетъ глубоко-прочувствованныя и правдивыя строфы про житье—бытье священника; здѣсь онъ наглядно представляетъ, каковы „покой, богатство, честь“, служащіе выраженіемъ земного счастья священника. Перечисливши тернія своей жизни и дѣятельности, некрасовскій священникъ заканчиваетъ свое повѣствованіе словами: „Душа переворотится, какъ звякнутъ въ этой рученькѣ два мѣдныхъ пятака“, т. е. при видѣ бѣдности, горя и нищеты семьи прихожанина высокій духомъ пастырь мучится самъ и страдаетъ, принимая плату за требы... Не то теперь въ быту духовенства. Эволюція жизни, всюду наблюдаемая ломка устоевъ житейскихъ не проходитъ безслѣдно и для духовенства: оно невольно втягивается въ этотъ жизненный водоворотъ, оно вынуждено принимать участіе во всеобщей борьбѣ за существованіе; ибо духовныя лица прежде всего *люди*, и очень немного найдется среди духовныхъ лицъ, которые бы приближались къ высокому идеалу учителя-пастыря, не унывающаго и не ропщущаго при видѣ голодныхъ и нуждающихся своихъ близкихъ, своей семьи. Посему, если

всмотрѣться безъ предвзятой мысли въ бытъ духовенства, если безпристрастно и спокойно обсудить съ одной стороны условія жизни духовенства, а съ другой стороны—требованія, отовсюду предъявляемыя къ нему,—то результатъ получится, безъ сомнѣнія, неутѣшительный. Не входя въ подробный разборъ обязанностей, лежащихъ на духовенствѣ, и съ каждымъ годомъ увеличивающихся требованій, къ нему предъявляемыхъ (какъ не относящихся къ разсматриваемому нами вопросу), остановимся собственно на „имущественной“ сторонѣ жизни духовенства и вкратцѣ разсмотримъ источники жизни священника.

На первый, поверхностный, взглядъ сказанное о печальномъ положеніи духовенства можетъ иному представиться тенденціознымъ. Въ самомъ дѣлѣ, думаетъ иной, какъ это можетъ считаться необезпеченнымъ духовенство, если оно имѣетъ нѣсколько источниковъ жизни, напр.: жалованіе, церковные доходы и данную ему въ пользованіе церковному землю? Но стоитъ только ближе познакомиться съ этими источниками, чтобы видѣть, какая разница существуетъ между „кажущимся“ и „дѣйствительнымъ“ положеніемъ вещей. Прежде всего, о жалованіи нужно сказать, что далеко не во всѣхъ епархіяхъ оно получается духовенствомъ, а тамъ гдѣ оно и назначено, оно весьма незначительное и получается совсѣмъ не въ полномъ количествѣ: если сосчитать всѣ расходы, падающіе на жалованіе духовенства (именно: всякаго рода вычеты—„взносы“, „раскладки“, „дополнительные сборы“ и проч. и проч.), то жалованіе нужно уменьшить по крайней мѣрѣ на четверть. Далѣе, доходы церковные, по общему признанію, неуклонно съ каждымъ годомъ падаютъ, и въ послѣднее время обнаружились не только отдѣльные приходы, но и цѣлые благочиннические округи, гдѣ эти пресловутые „доходы“ такъ смущающіе изслѣдователей быта духовенства, выражаются буквально копѣйками или немногими рублями. Наконецъ,

надѣлъ церковной земли, дѣйствительно, представляетъ изъ себя нѣчто весьма существенное; но относительно этого вида обезпеченія духовенства нужно замѣтить, что и здѣсь дѣло обстоитъ не такъ удовлетворительно, какъ можетъ показаться на первый взглядъ, и какъ, навѣрное, кажется людямъ, твердящимъ: „духовенство обезпечено землей: чего ему еще"?.. Начать хотя-бы съ того, что при повсемѣстномъ трехполіи церковныхъ земель изъ обычнаго надѣла можно пользоваться лишь $^2/_3$ поля, т. е. десятинами двадцатью, а остальная земля (десятинъ 1—12) не приноситъ пользы, оставаясь вмѣстѣ съ крестьянскими землями въ извѣстный годъ незасѣянною. Конечно, этого не было-бы, и знакомый, хотя отчасти, съ научной агрикультурой священникъ съумѣлъ бы „культивировать" и использовать *всю* надѣльную землю, если бы церковная земля была отмежевана въ отдѣльный кусокъ; но такая постановка дѣла является, при современныхъ условіяхъ, лишь недостижимой мечтой, почему и нельзя брать въ разсчетъ пользованіе доходами отъ *всей* церковной земли.—Такимъ образомъ, сводя всѣ житейскіе рессурсы священника къ одной цифрѣ, можно воочію убѣдиться, легко ли ему жить и хватитъ ли средствъ на воспитаніе дѣтей, если не забывать, что священникъ—человѣкъ интеллигентный, съ умственными и нравственными запросами; что онъ почти всегда имѣетъ немалую семью, которую, естествено, желаетъ „поставить на ноги", воспитать, дать ей образованіе. А всякій знаетъ, что образованіе, со всѣми сопутствующими ему расходами, обходится у насъ весьма не дешево: воспитаніе трехъ—четырехъ дѣтей поглощаетъ безъ остатка и жалованіе священника, и всѣ доходы—какъ земельные отъ хозяйства, такъ и церковные..

Итакъ, ясно, что общее благополучіе всего духовенства—фикція, и увѣренія въ противномъ показываютъ большею частію ничѣмъ не оправдываемое невѣдѣніе. Все „общество" духовныхъ живетъ изо-дня въ день, перебиваясь всѣми спо-

собами и часто еле-еле сводя концы съ концами. Исключенія рѣдки и даже единичны.

Такое, въ имущественномъ отношеніи, шаткое положеніе духовенства имѣетъ всѣ данныя, чтобы этому духовенству глубоко задуматься надъ средствами обезпечить бытъ какъ лично себя, такъ еще болѣе своихъ присныхъ, т. е. членовъ своей семьи, которымъ глава семьи при своей жизни служитъ опорой, фундаментомъ, и „камнемъ краеугольнымъ“. Отсюда-то именно вытекаетъ съ очевидностью необходимость вѣрнѣйшаго средства взаимной поддержки, *необходимость взаимопомощи.* Во многихъ слояхъ общества, во многихъ корпораціяхъ, уже вполнѣ ясно сознана и воплощена идея взаимопомощи. Искренно и вполнѣ справедливо говоритъ авторъ статьи въ № 15, 1897 г. „Кіев. Епарх. Вѣд.,“ св. Б. Осовецкій, что „духъ радуется“, когда наблюдаешь среди духовенства движеніе въ томъ направленіи, чтобы выработать лучшіе способы обезпеченія своихъ вдовъ и сиротъ, особенно если кругомъ видишь многоразличные и ведущіе къ цѣли примѣры: врачи, адвокаты, хозяева, купцы, ремесленники образуютъ товарищества, общества, синдикаты съ цѣлью оказывать поддержку другъ другу и улучшить положеніе своихъ дѣлъ.

Все это дѣлается у насъ, въ Россіи; но въ несравненно большемъ размѣрѣ примѣняются такіе, и подобные, способы взаимопомощи въ практикѣ культурныхъ обществъ передовыхъ государствъ Стараго и Новаго свѣта.—И все это дѣлается недаромъ. „Взаимопомощь“—великій жизненный рычагъ великая сила какъ по идеѣ своей, такъ еще болѣе по своему практическому значенію. Это столь ясно, столь справедливо, что положительно не требуетъ никакихъ доказательствъ: ибо никто не будетъ сомнѣваться, напр., въ силѣ *всей муравьиной кучи, всего пчелинаго улья,* и никто, вѣроятно, не забылъ поучительнаго классическаго разсказа объ отцѣ, который предъ

своею смертью высказалъ своимъ дѣтямъ идею взаимопомощи и коллективной поддержки, представивъ имъ въ примѣръ *одинъ* прутикъ и *цѣлую связку* таковыхъ...

Но если взаимопомощью можно поддержать человѣка въ обыденныхъ тяжелыхъ условіяхъ жизни; если членъ общества, чувствуя за спиной „силу", своевременную поддержку товарищей, смѣло смотритъ въ глаза неожиданности, всякой бѣдѣ и т. под., то что сказать о томъ моментѣ, когда житейскій борецъ падаетъ, сраженный смертью; когда онъ оставляетъ свой постъ, думая, быть можетъ, въ послѣдній мигъ жизни о „своихъ": о семьѣ, родныхъ и проч.? Моментъ поистинѣ трагическій,—и какъ онъ знакомъ именно духовенству!! Кто не знаетъ подобныхъ въ быту духовенства случаевъ, когда семья священника, съ самаго момента смерти своего работника, сразу чувствуетъ себя безъ почвы, остается какъ бы на воздухѣ? Кто не слышалъ воплей и не видѣлъ страданій въ тѣ минуты, когда послѣдняя лопата земли закрываетъ родную могилу, куда опустили тѣло главы семьи, источника какого бы то ни было ея благосостоянія? Хорошо знакомы эти трагическія сцены всѣмъ членамъ церковнаго причта; больно бьетъ всякую семью этого міра смерть отца, мужа, дѣда!.. Трагизмъ положенія сиротствующихъ среди духовенства усугубляется часто еще и тѣмъ, что—къ стыду нашему нужно сказать—„сосѣди" часто просто таки пользуются несчастьемъ семьи: оставшіяся вещи и принадлежности хозяйства они стараются купить за безцѣнокъ. Намъ извѣстны случаи, когда вдовы въ подобныхъ обстоятельствахъ соглашались лучше *дарить* вещи, чѣмъ получать за нихъ предлагаемую нищенскую цѣну, а нѣкоторыя, болѣе стойкія и характерныя, женщины прямо даже сожигали мебель, вещи, будучи возмущены безсердечнымъ отношеніемъ къ ихъ горю сосѣдей—покупщиковъ. Такіе печальные факты человѣка вообще, возможны только потому, что идея солидарности не вошла еще въ плоть—

кровь нашу, что ни въ школѣ, ни въ жизни мы не слышимъ и не видимъ образцовъ въ этомъ отношеніи положительныхъ, что и въ средѣ духовной, въ отношеніи къ своему же сотоварищу на житейской нивѣ, наталкиваешься часто на факты отрицательнаго свойства.

(*Окончаніе будетъ*).

Епархіальная хроника.

Архипастырское посѣщеніе Его Высокопре освященствомъ, Митрополитомъ Ѳеогностомъ церквей г. Кіева.—Сентября 3 и 4 дня Владыка Митрополитъ Ѳеогностъ посѣтилъ, въ сопровожденіи благочиннаго Кіево-Подольскихъ церквей, протоіерея Кл. Ѳоменко, Успенскій соборъ и слѣдующіе церкви города Кіева: Николая Добраго, Николая Притискаго, Николая Набережнаго, Рождественскую, Царе-Константиновскую, Воскресенскую, Иліи пророка, Борисо-Глѣбскую и Александро-Невскую въ Липкахъ. Поклонившись святынямъ храма и благодатнымъ иконамъ въ тѣхъ храмахъ, гдѣ таковыя издревле обрѣтаются, напр. иконы Святителя Николая въ храмахъ: Николая Добраго, Притискаго и Набережнаго, Его Высокопреоосвященство со всею тщательностію осматривалъ въ церквахъ всѣ принадлежности богослуженія, священные сосуды, ризницы и остальныя принадлежности храма. Засимъ Владыка-Митрополитъ, опытнымъ святительскимъ окомъ провѣряя книги: метрическія, обыскныя, приходо-расходныя, описи церковнаго имущества, записи „братской кружки“, клировыя вѣдомости и запись богослуженій, давалъ свои святительскія указанія и разъясненія. Такъ въ одной изъ церквей Его Высокопреосвященство преподалъ разъясненіе о томъ, чтобы въ „обыскахъ“ дни оглашеній были про-

писываемы не цифрами, напр. 2, 8 и 9 сентября, а словами: второго, восьмого и девятаго сентября. Въ этомъ последнемъ способѣ записей устраняется возможность передѣлокъ и подчистокъ цифръ... Замѣтивъ въ одной церкви прекрасный серебрянный сосудъ для ладана, Владыка выразилъ желаніе, чтобы и во всѣхъ церквахъ епархіи сосуды для ладана были благоприличные, металлическіе. Особенное свое вниманіе Архипастырь обратилъ на проповѣдничество градскаго духовенства. Въ каждой церкви Владыка пересматривалъ всѣ поученія настоятелей. Его, видимо радовало, когда эти поученія достигали большого количества проповѣдей. Если въ какой церкви Владыка узнавалъ, что здѣсь преподаются народу за торжественными вечернями духовныя собесѣдованія, то настоятелю этой церкви Владыка выражалъ *особенную* свою признательность.

5 сентября Его Высокопреосвященство, въ сопровожденіи благочиннаго Печерскихъ и Старо-Кіевскихъ церквей, протоіерея Н. Браиловскаго, обозрѣвалъ церкви—Өеодосіевскую, Воскресенскую и Ольгинскую, а 6 сентября церкви—Георгіевскую, Десятинную, Андреевскую и Васильевскую) (Трехсвятительскую). Съ большою внимательностью Владыка обозрѣвалъ эти церкви, подробно распрашивая о состояніи приходовъ, религіозно-нравственномъ настроеніи прихожанъ, матеріальномъ обезпеченіи церкви и причта и т. п.

Въ Андреевской церкви Владыка въ теченіе болѣе часа всесторонне знакомился съ исторіею и ходомъ недавно произведеннаго капитальнаго ремонта храма, при чемъ необходимыя объясненія давалъ предсѣдатель комитета прот. П. И. Орловскій. Осмотрѣвъ подробно обѣ церкви, верхнюю и нижнюю, Высокопреосвященный Өеогностъ остался доволенъ благолѣпіемъ реставрированнаго замѣчательнаго храма.

Повидимому, Архипастырская ревизія церквей гор. Кіева обнаружила, что градскіе церкви и отчетность церковная находятся въ порядкѣ.

Храмовой праздникъ Кіево-Софійскаго каѳедральнаго собора.—8 сентября, въ день Рождества Пресвятыя Богородицы, Кіево-Софійскій каѳедральный соборъ торжественно праздновалъ свой главный престольный праздникъ. Всенощное бдѣніе наканунѣ праздника совершалъ каѳедральный протоіерей А. И. Браиловскій, въ сослуженіи шести пресвитеровъ и трехъ діаконовъ. Въ самый-же день праздника позднюю литургію на главномъ престолѣ собора совершалъ высокопреосвященный Ѳеогностъ, митрополитъ Кіевскій и Галицкій, въ сослуженіи о.о. архимандритовъ: намѣстника Кіево-Печерской лавры Антонія, инспектора Кіевской духовной академіи Платона, ректора Кіевской духовной семинаріи Ѳеодосія, настоятеля Кіево-Выдубецкаго монастыря Евлогія и эконома Кіево-Софійскаго митрополитанскаго дома Іоанникія и соборнаго духовенства. Протоіереемъ А. А. Корсаковскимъ произнесено было слово. По окончаніи литургіи, высокопреосвященнымъ Владыкой-митрополитомъ, въ сослуженіи преосвященныхъ: Сильвестра, епископа Каневскаго, Сергія, епископа Уманскаго и Димитрія, епископа Чигиринскаго и многочисленнаго духовенства, отслуженъ былъ молебенъ Пресвятой Богородицѣ съ возглашеніемъ многолѣтій Царствующему Дому, Св. Синоду и высокопреосвященному митрополиту Ѳеогносту съ богохранимой паствой его, благовѣрному правительствующему синклиту, военачальникамъ, градоначальникамъ, христолюбивому воинству и всѣмъ православнымъ христіанамъ.

Двадцатипятилѣтіе службы протоіерея А. І. Коровицкаго.—30-го іюня сего года исполнилось 25 лѣтъ учебной дѣятельности законоучителя Кіевской 2-й гимназіи и предсѣдателя совѣта 2 женскаго училища духовнаго вѣдом-

ства, протоіерея Андрея Іоанновича Коровицкаго. Приводимъ краткія біографическія свѣдѣнія о немъ. Сынъ священника Волынской епархіи, о. Андрей Коровицкій получилъ среднее образованіе въ Волынской дух. семинаріи, а высшее въ Кіевской духовной академіи, окончивъ курсъ ученія со степенью кандидата богословія въ 1876 г. Въ томъ же году опредѣленъ преподавателемъ словесности и логики и Симферопольскую духовную семинарію; въ 1877 году по прошенію переведенъ преподавателемъ русскаго языка и словесности въ Житомірскую Маріинскую женскую гимназію и духовное женское училище; въ слѣдующемъ 1878 г. по прошенію опредѣленъ законоучителемъ Кіевской Фундуклеевской женской гимназіи и рукоположенъ во священника къ домовой церкви Кіевскаго генералъ-губернатора. Одновременно преподавалъ Законъ Божій въ Кіевскомъ реальномъ училищѣ и въ частной женск. гимназіи Янста, а также русск. яз. и словесность въ женскомъ дух. училищѣ. Въ 1886 г. назначенъ законоучителемъ Кіевской 2 гимназіи и съ устроеніемъ въ послѣдней домовой церкви—(1887 г.) настоятелемъ ея. Въ 1893 г., по преобразованіи Кіевскаго женскаго училища духовнаго вѣдомства по уставу епархіальныхъ училищъ и раздѣленіи его на 2 училища, избранъ епархіальнымъ съѣздомъ и утвержденъ митрополитомъ Іоанникіемъ въ должности предсѣдателя совѣта 2 женскаго училища, какую службу исполняетъ безмездно и въ настоящее время, оставаясь законоучителемъ 2-й гимназіи и Фундуклеевской женской гимназіи.

19-го августа корпорація Кіевской 2 гимназіи, во главѣ директора А. А. Попова, чествовала исполнившееся 25-тилѣтіе службы о. протоіерея Коровицкаго. Торжество носило чисто семейный характеръ. Съ разрѣшенія Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита, сослуживцы о. протоіерея по гимназіи поднесли ему золотой, украшенный драгоцѣнными камнями, крестъ съ золотою цѣпью, при чемъ г. директоромъ сказано

было юбиляру привѣтствіе отъ всей гимназіи, въ которомъ ярко отмѣчены были выдающіяся черты личности и дѣятельности юбиляра. Благодаря за привѣтствіе и поднесеніе сослуживцами весьма цѣннаго подарка, о. протоіерей Коровицкій такъ выяснилъ значеніе юбилейнаго празднества для юбиляра.

„Приношу мою искреннюю признательность и сердечную благодарность за то, что вы такъ ярко отмѣтили мою скромную двадцатипятилѣтнюю пастырскую и учительскую дѣятельность. До глубины души тронутъ я вашимъ вниманіемъ. Дорого мнѣ и ваше привѣтствіе и ваше цѣнное подношеніе.

Въ юбилейныхъ празднествахъ кроется глубокій смыслъ, и чествованія юбилейныя имѣютъ важное значеніе для юбиляра вообще, въ особенности же для юбиляра-педагога, а тѣмъ паче для пастыря-педагога. Жизнь человѣческая коротка, а между тѣмъ человѣкъ по природѣ своей невольно привязывается къ этой жизни всѣмъ своимъ существомъ и, при неизвѣстности будущаго, мирится съ настоящимъ, хотя бы это настоящее преисполнено было для него горести и печали. Въ дни юности и годы расцвѣта жизненныхъ силъ, человѣкъ почти не думаетъ о кончинѣ своей но, когда приближается старость съ неизбѣжнымъ ослабленіемъ силъ и энергіи, съ посѣщеніемъ все чаще и чаще болѣзней, тогда человѣка болѣе и болѣе одолѣваютъ грустныя мысли о неизвѣстной участи, предстоящей ему, какъ всему живущему на нашей планетѣ. Для служащаго человѣка юбилей есть первое серьезное напоминаніе ему о томъ, что приближается время разсчета съ жизнью, а слѣдовательно и съ служебною дѣятельностью, это есть, такъ сказать, первое предостережніе о предстоящемъ ему неизбѣжномъ удѣлѣ. Мысль юбиляра оглядывается невольно назадъ и старается обнять все его прошлое,—все имъ передуманное, перечувствованное, совершенное. И что же видитъ въ этомъ безвозвратномъ прошломъ педагогъ? То, что

личной жизни, жизни для себя, у него не было. Педагогъ не знаетъ ни отдыха, ни удовольствій; онъ съ ранняго утра и до глубокаго вечера живетъ для другихъ: онъ долженъ, если желаетъ быть добрымъ педагогомъ, забыть себя, семью, родныхъ, знакомыхъ,—у него только дѣло и дѣло. При такой кипучей дѣятельности, четверть вѣка этой дѣятельности пролетаетъ очень быстро; все чего то ждешь, о чемъ то мечтаешь, на что то надѣешься, и вдругъ видишь, что насталъ конецъ твоимъ ожиданіямъ, твоимъ несбывшимся мечтамъ, твоимъ далеко неосуществленнымъ надеждамъ.

Повидимому, казалось бы естественнымъ педагогу, въ виду его исключительной общественной дѣятельности, только радоваться, что вся жизнь его посвящена была на такое по истинѣ святое, великое, можно сказать, подвижническое дѣло. А между тѣмъ, подводя итоги своей дѣятельности, безпристрастный къ себѣ педагогъ не можетъ съ увѣренностью сказать, что онъ вполнѣ исполнилъ свой долгъ, что онъ дѣйствительно принесъ ту пользу своей дѣятельностью, какая по идеѣ требовалась отъ него. Имѣя дѣло съ живымъ матеріаломъ, мы всегда тревожимся за своихъ питомцевъ. Вѣдь не секретъ, что часто у самаго даровитаго, честнаго труженика учителя оказываются далеко не хорошими его ученики. Можно-ли безусловно обвинять въ этомъ учителя? Конечно, нѣтъ: потому что ученикъ не есть поле, которое такъ или иначе воздѣлать зависитъ отъ пахаря, не есть бездушная вещь, которой дать такую или иную форму зависитъ отъ художника или мастера; у хорошаго пахаря, у искуснаго художника всегда и поле хорошо будетъ воздѣлано, и вещь искусно исполнена; въ противномъ случаѣ будетъ вполнѣ справедливо обвинить въ неуспѣхѣ дѣлателей. Совершенно иное представляетъ изъ себя учебное поле, гдѣ весьма и весьма часто такіе или иные плоды произрастаютъ независимо отъ воздѣлывателей его. Всѣ мы хорошо это знаемъ, но тѣмъ не менѣе мы не можемъ равно-

душно относиться къ результатамъ нашей дѣятельности, и чѣмъ болѣе вдумываемся въ нашу дѣятельность и плоды ея, тѣмъ болѣе безпокоимся за нашихъ питомцевъ. И если педагогъ видитъ, что его воспитанники пошли по дорогѣ дурной, онъ не станетъ разсуждать о причинахъ такого печальнаго явленія, а онѣ могутъ быть и дѣйствительно бываютъ самыя разнообразныя, но скажетъ себѣ: „можетъ быть и я повиненъ въ гибели малыхъ сихъ", а это, конечно, вызываетъ въ душѣ его самое горькое чувство, отравляетъ годы его послѣ-учебной жизни.

Въ частности положенiе пастыря-педагога еще отвѣтственнѣе. Мы призваны излагать юнымъ слушателямъ догматы вѣры и правила нравственности христiанской; но излагать—мало; нужно учить ихъ мыслить по-христiански и, анализируя предъ ними душу человѣческую, показать имъ, что она по природѣ христiанка, т. е. пастырю-педагогу необходимо на своихъ законоучительскихъ урокахъ обращаться и къ логикѣ, и къ психологiи. Чтобы наставленiя законоучителя глубже проникали въ душу юныхъ слушателей, нужно, чтобы они предлагались въ строгомъ согласiи науки съ вѣрою, въ одинаковомъ духѣ и направленiи; необходимо, чтобы вѣра помогала наукѣ, наука служила вѣрѣ въ нашихъ наставленiяхъ; какой это тяжелый, едва ли для всякаго изъ насъ осуществимый трудъ!.. Безспорно, что только твердая мысль наставника твердо укореняется въ душахъ слушающихъ его; сколько, значитъ, требуется энергiи отъ законоучителя для того, чтобы достаточно защищать правоту вѣры и нужду добродѣтели. Но для законоучителя мало быть учителемъ, онъ долженъ для всѣхъ безъ исключенiя и всегда быть примѣромъ высокой жизни, неутомимаго трудолюбiя, непоколебимости въ исполненiи долга и беззавѣтной преданности нравственнымъ идеаламъ христiанской вѣры. Нужно высоко и твердой рукой держать священное знамя Христа, не дѣлая уступокъ ни

духу времени, ни требованіямъ начальства, коль скоро въ нихъ замѣчается что либо несогласное съ требованіями и уставами церкви. Вотъ, по моему убѣжденію, идеалъ пастыря-педагога. Грустно сказать, а нужно сознаться, что онъ почти невыполнимъ. Что-же оказывается? Съ одной стороны, тяжелый трудъ педагога, я называю его подвигомъ, съ другой—опасеніе за добрые результаты этого подвижническаго труда. Повторяю, ни одинъ изъ безпристрастныхъ педагоговъ не скажетъ съ увѣренностью, что онъ вполнѣ исполнилъ свою задачу, такъ какъ мы отвѣчаемъ не за воспитанниковъ въ общей ихъ массѣ, а за каждую отдѣльную личность; за каждаго своего ученика мы даемъ отчетъ, если не предъ обществомъ, то предъ своимъ нравственнымъ долгомъ, предъ своею совѣстью, которая есть самый неумолимый нашъ судья.

Итакъ, сознаніе невыполнимости трудной педагогической задачи должно смущать и дѣйствительно смущаетъ педагога, въ особенности же, когда наступаетъ послѣднее время дать себѣ отчетъ въ своей дѣятельности. Въ это время какъ то особенно ярко выступаютъ предъ внутреннимъ взоромъ одни недостатки нашего служенія, а это невольно порождаетъ въ душѣ крайне тяжелое чувство, могущее довести даже до печальныхъ результатовъ, если бы педагогъ не встрѣчалъ нравственной поддержки въ окружающей его средѣ. И вотъ товарищи любятъ въ такіе дни—дни юбилея оказать своему сотоварищу такую нравственную поддержку. Указывая юбиляру въ своихъ привѣтствіяхъ на положительныя стороны его дѣятельности, рельефно выставляя нѣкоторыя добрыя черты его нравственной природы, они оказываютъ этимъ юбиляру неоцѣненную услугу, воскрешаютъ его энергію, возстановляютъ, насколько это возможно, его слабѣющія силы, словомъ, какъ бы обновляютъ его природу. Вотъ въ чемъ заключается смылъ юбилейныхъ чествованій, о чемъ я упомянулъ выше.

Благодаря ходатайству моего глубокоуважаемаго начальника, мнѣ предстоитъ еще поработать въ любимой мною гимназіи. Я желалъ бы всѣ силы свои отдать 2-ой гимназіи, потому что она дала и дастъ мнѣ счастье. Она воспитала уже двухъ старшихъ моихъ сыновей, которые мнѣ и матери доставляютъ истинное утѣшеніе. Я убѣжденъ, что такими же добрыми дѣтьми будутъ и младшіе ихъ братья, если имъ суждено будетъ пройти свой курсъ ученія въ нашей гимназіи. Вотъ почему я такъ беззавѣтно преданъ 2-ой гимназіи, а силы для служенія ей я стану почерпать въ томъ св. крестѣ, который вы нынѣ подносите мнѣ. Нося на груди сіе св. знаменіе, я буду стараться до конца жизни моей носить въ сердцѣ своемъ добрую память о всѣхъ васъ, и всегда, предстоя у престола Всемогущаго, буду возносить Ему мою сердечную молитву о вашемъ благополучіи“.

Въ чествованіи о. протоіерея А. Коровицкаго приняли участіе также и служащіе во 2 Кіевскомъ женскомъ училищѣ духовнаго вѣдомства. Депутація отъ этого училища, съ инспекторомъ классовъ свящ. В. В. Богородицкимъ во главѣ, принося поздравленіе о. Коровицкому, поднесла образъ Божіей Матери Владимірской и адресъ отъ училища въ изящной папкѣ.

Вотъ текстъ адреса, прочитаннаго преподавателемъ М. В. Гнѣвушевымъ.

Ваше Высокопреподобіе, глубокоуважаемый
о. Протоіерей.

„Богомъ даруемая человѣку жизнь, Имъ-же Всевышнимъ Творцомъ предназначается на служеніе высшимъ цѣлямъ человѣческаго бытія. Среди многообразныхъ путей этого служенія одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ занимаетъ тотъ путь, который ведетъ въ область дѣланія добра, распространенія истины и высшей душевной красоты среди людей вообще и

въ особенности среди той юной, чистой части человѣческихъ обществъ, которая всегда служила украшеніемъ этихъ обществъ и которая, по непреложнымъ законамъ жизни, всегда идетъ на смѣну угасающей жизни.

На долю Васъ, Ваше Высокопреподобіе, именно и выпалъ этотъ высокій, трудный и отвѣтственный жребій жизненнаго пути. Двадцать пять лѣтъ лучшей своей жизни, когда умъ, сердце и воля, когда вся сила души молодой рвется въ область высшаго, идеальнаго, Вами посвящены служенію дѣлу воспитанія и обученія молодого подрастающаго поколѣнія, при томъ всегда на тѣхъ и во имя тѣхъ высшихъ и вѣчно незыблемыхъ началъ, которыя даны человѣчеству Божественнымъ Откровеніемъ, которыя нерушимо сохраняются православною церковію въ ея вѣро и правоученіи. Что значитъ это служеніе,—что значитъ оно для тѣхъ, кто служитъ,—что значитъ оно для тѣхъ, кому служатъ,—это знаетъ только тотъ, кто обладаетъ духомъ бодрымъ, умѣющимъ въ то же время знать области высшей мысли, высшей истины, кто могъ и можетъ проникаться истиннымъ и высокимъ чувствомъ любви къ ближнему, кто въ жизни другихъ ищетъ отображенія всего истинно-великаго, истинно-прекраснаго, кто вмѣстѣ съ тѣмъ вѣритъ въ торжество человѣческаго духа надъ всѣмъ, что омрачало и омрачаетъ, какъ тѣнь, полетъ чистой мысли, торжество высшихъ неземныхъ чувствъ, кто, наконецъ, всею своею душею любитъ молодую жизнь, вѣритъ въ ея лучшее будущее и во имя этого лучшаго готовъ все отдать, все свое лучшее. Являясь носителемъ высшихъ идеаловъ въ тѣсномъ кругѣ своихъ близкихъ, Вы, Ваше Высокопреподобіе, всѣ богатыя силы своей души въ теченіе всего своего двадцати пятилѣтняго служенія употребляли на то, чтобы тѣ-же животворныя начала внести въ души чужихъ по рожденію, но родныхъ Вамъ по духу дѣтей, чтобы они, эти начала, стали незыблемымъ основаніемъ всей ихъ жизни молодой, возмужа-

лой и склоняющейся къ закату. И вездѣ, и всегда, и всѣми, имѣвшими удовольствіе и честь итти съ Вами вмѣстѣ по жизненному пути, чувствовалось, что Вы, служа для Васъ и всѣхъ дорогому дѣлу, искренно и до глубины своей души преданы ему и готовы въ этомъ своемъ служеніи дойти до самоотверженія. Среди окружающихъ нашу жизнь невзгодъ, среди иногда постигающихъ насъ душевныхъ нестроеній, когда иной разъ чувствуется шатаніе мысли и готовность измѣнить дѣлу,—такое Ваше служеніе—великое ободреніе, благотворное подкрѣпленіе и вмѣстѣ съ тѣмъ источникъ вѣры, надежды и любви ко всему высшему, къ своему призванію, къ своему долгу.

Вездѣ и всюду запечатлѣнная этими высокими чертами, Ваша учебно-воспитательная дѣятельность имѣла и имѣетъ особенный и, если только можно сказать, еще болѣе возвышенный характеръ въ стѣнахъ женскаго училища духовнаго вѣдомства. Здѣсь она началась очень давно, еще до раздѣленія на два одного въ то время въ Кіевской землѣ разсадника образованія женщины духовнаго званія, еще въ то время, когда въ жизни этого учебнаго заведенія, сравнительно очень рѣдкаго въ Россіи, было много—много неопредѣлившагося, когда оно видимо только еще возрастало, шло отъ силы въ силу, когда этому возрастанію болѣе всего помогала въ высокой степени ревностная, доходившая до самоотверженія дѣятельность многихъ молодыхъ преподавателей, по духу и энергіи своей отвѣчавшихъ вполнѣ тогдашнему распорядителю училища. И среди этихъ молодыхъ силъ по своему вліянію на воспитываемыхъ, по непреклонной энергіи въ дѣланіи избраннаго дѣла, Вы, Ваше Высокопреподобіе, занимали первое мѣсто. И теперь еще благодарно помнятъ и трудъ Вашъ, и мысли Ваши, и чувства Ваши всѣ, кто слышалъ и слушалъ Васъ нерѣдко при мерцающемъ свѣтѣ лампы, едва—едва разгоняющемъ въ классѣ утреннюю мглу, слышалъ рѣчи Ваши

о литературныхъ произведеніяхъ, о типахъ жизни и поэзіи, слышалъ воодушевленныя рѣчи, призывавшія къ усиленному и осмысленному труду, къ полному и всестороннему изученію нашего родного, богатаго и могучаго языка.

Въ 1893 году училище раздѣлилось на два, и Вамъ, Ваше Высокопреподобіе, опять, послѣ нѣкотораго перерыва, пришлось итти на служеніе училищу, только что получившему свою жизнь отъ прежняго, только что сформировавшемуся, какъ бы ждавшему и энергичной, и преисполненной всяческихъ благъ руки, которая-бы могла дать жизни молодого учебнаго заведенія все необходимое для дѣятельности бодрой, благотворной и преисполненной высшихъ, идеальныхъ стремленій. И съ той поры и по сей день мы, Ваше Высокопреподобіе, свидѣтели Вашей неутомимой и всесторонней дѣятельности, какъ председателя совѣта 2-го женскаго училища духовнаго вѣдомства. Не для прославленія Васъ, но только для выраженія дѣйствительно воодушевляющихъ насъ чувствъ, только для укрѣпленія себя въ дѣланіи общаго нашего дѣла, мы въ данный торжественный моментъ жизни Вашей считаемъ нравственнымъ долгомъ своимъ выразить Вамъ, Ваше Высокопреподобіе, отъ имени всего училища, отъ имени всѣхъ учившихся и учащихся въ немъ, что Вашъ трудъ на пользу этого училища не только высокъ, безкорыстенъ, благоплоденъ, но самоотверженный. Перестроивши много въ училищѣ внѣшне, Вы украсили его прекраснымъ храмомъ, Вы украсили его внутреннимъ, съ истинно-воспитательнымъ характеромъ порядкомъ, Вы дали жизнь многому только что обозначавшемуся на общемъ фонѣ училищной жизни, Вы укрѣпили и развили все лучшее въ ней, Вы будили во всѣхъ, кто служилъ и служитъ училищу, энергію, жажду дѣла, любовь къ дѣлу и доводили во всѣхъ своимъ примѣромъ искреннее желаніе труда до непрестанной готовности служить дѣлу только во имя дѣла, только во имя всего того, что идеально возвы-

шенно, что ведетъ ко благу и служитъ на радость другихъ. Для Вашей любви къ дѣлу и училищу не было и нѣтъ ничего въ училищной жизни, что не обращало бы Вашего вниманія къ себѣ, что не вызывало бы Васъ на трудъ усиленный и всегда цѣлесообразный. Заботы Ваши простирались на все въ училищѣ великое и важное, малое и случайное, но особеннымъ вниманіемъ Вашимъ пользуются учащіяся и учащіе и воспитывающія, и все, что можно сдѣлать для духовной и тѣлесной жизни первыхъ, что можно сдѣлать для ободренія и улучшенія быта вторыхъ,—Вы не оставили своими заботами и вниманіемъ. И слышится намъ въ данную минуту, какъ вездѣ по Кіевской землѣ, куда только прошли Ваши ученицы и воспитанницы, вездѣ славятъ Ваше имя и благодарятъ Васъ за Ваши труды и заботы, а тѣ, кто немощенъ матеріально, кто бѣденъ и сиръ, вдвойнѣ благодарятъ Васъ, ибо они знаютъ, что въ училищѣ бывали, какъ Вы шутя называли, „дѣти училища", это тѣ дѣти, которыя не могли имѣть даже стипендій и пособій, но которыя все таки учились и оканчивали свое ученіе благодаря внимательности совѣта и главнымъ образомъ предсѣдателя къ бѣдности и неимущимъ, ибо они, эти сирые и неимущіе, знаютъ, что теперь, благодаря опять Вашимъ стараніямъ, открывается при училищѣ новый источникъ помощи неимущимъ, и органомъ этого является только что утвержденное при училищѣ общество вспомоществованія бѣднымъ учащимся.

Примите же Ваше Высокопреподобіе отъ насъ и всего училища въ настоящую минуту Вашей жизни искреннюю и глубокую благодарность за Ваши многіе и многополезные труды, примите и сію икону Божіей Матери Владимірской, и да благословитъ Васъ, всѣхъ близкихъ Вамъ и Ваши труды Господь Богъ молитвами Богородицы долгоденственнымъ здравіемъ и мирнымъ житіемъ на многія и многія лѣта. Мы всѣ молимъ объ этомъ у Господа, ибо отрадно, свѣтло всѣмъ жи-

вется въ томъ дому, гдѣ хозяинъ свѣтелъ, радостенъ, ибо благоуспѣшенъ и жизненъ трудъ тамъ, гдѣ руководящій трудомъ—любитъ какъ самаго себя этотъ трудъ, гдѣ имъ, такъ сказать, созданъ культъ честнаго, высокаго, идеальнаго труда. Да будутъ же неизсякаемы и любовь и энергія Ваши на пользу Вами и нами любимаго учебнаго заведенія".

31-го августа о. А. Коровицкому принесли также поздравленіе и сослуживцы его по Фундуклеевской женской гимназіи; директоръ Д. А. Синицкій прочиталъ адресъ отъ гимназіи и сослуживцевъ и на память отъ послѣднихъ просилъ принять бюваръ въ дорогой серебряной оправѣ. Адресъ былъ выраженъ въ слѣдующихъ словахъ:

Высокопочитаемый Андрей Ивановичъ.

„Въ дни торжествъ нашей жизни мы невольно останавливаемся на нашемъ прожитомъ, такъ какъ все прошлое въ связи съ настоящимъ даетъ единство нашей жизнедѣятельности и возвышаетъ ея цѣнность.

Вашей прошлой служебной дѣятельности многіе изъ насъ были свидѣтелями. Вы явились въ Фундуклеевской гимназіи не только опытнымъ преподавателемъ, но и глубоко убѣжденнымъ пастыремъ, какъ законоучитель. Ваша энергія, воодушевленность рѣчи, Ваша любовь къ дѣтямъ всегда вызывали общую любовь и къ Вамъ.

Когда Вы издали Вашъ цѣнный трудъ о Вашемъ путешествіи во Святую Землю, Вы показали, что Ваша наблюдательность и пониманіе задачи пастыря-паломника открыли христіанамъ то, что раньше Васъ многими не было замѣчено. Чтеніями о Вашемъ путешествіи во Святую Землю Вы принесли громадную пользу въ религіозно-нравственномъ развитіи и тому учебному заведенію, гдѣ мы имѣемъ счастіе привѣтствовать Васъ съ 25-ти лѣтіемъ Вашей педагогической дѣятельности. Всѣ Ваши сослуживцы ясно видятъ и въ настоя-

щее время, что и Ваша энергія не ослабѣла, и любовь дѣтей къ Вамъ достигла того, что воспитанницы старшихъ классовъ гимназіи желаютъ имѣть своимъ духовникомъ только Васъ, какъ своего законоучителя. У васъ не только знаніе дѣла, что должно составлять достояніе каждаго педагога, но и особенное умѣніе вызывать къ себѣ довѣріе учащихся старшаго возраста, что уже составляетъ даръ особаго Вашего призванія. Вамъ есть чему порадоваться: Вы четверть Вашего вѣка послужили съ великою пользою лучшему и честнѣйшему возрасту человѣка, приготовляя будущихъ матерей для семьи и полезныхъ членовъ для общества.

Но въ нашей трудовой педагогической жизни оцѣнивается не только знаніе и педагогическій талантъ, но и качества сослуживца, какъ хорошаго человѣка. На этой жизненной дорогѣ, гдѣ всѣ рабочія силы обязаны тянуть въ одну борозду, неизбѣжны различныя жизненныя столкновенія, при которыхъ познается человѣкъ по своимъ отношеніямъ къ ближнему. Мы всѣ, Ваши товарищи по службѣ, въ торжественный день празднованія 25-ти лѣтняго юбилея Вашей педагогичечкой дѣятельности, признаемъ себя Вашими сослуживцами-друзьями. Другъ познается въ нуждѣ, и Вы въ нашихъ товарищескихъ нуждахъ не прятали Вашей опытной руки, когда намъ нужна была умѣлая помощь. Вамъ, дорогой Андрей Ивановичъ, дружное спасибо отъ всѣхъ насъ и искреннее пожеланіе, чтобы Вы еще долго, были среди насъ неразлучнымъ“.

Памяти почившихъ священноіереевъ Кіевской епархіи.

Протоіерей П. И. Гуковичъ.—1-го августа скончался, на 68-мъ году отъ роду, настоятель Преображенской

церкви м. Смѣлы, протоіерей Прокопій Ивановичъ Гуковичъ, духовникъ окружнаго духовенства.

Почившій о. протоіерей, по окончаніи курса Кіевской духовной семинаріи въ 1855 году, съ 1855—1858 г. состоялъ учителемъ Кіево-Подольскаго духовнаго училища; съ 1858 г. священникомъ с. Блощинецъ Васильковскаго уѣзда; съ 1874 года священникомъ с. Сухой-Калигорки, Звенигородскаго у.; съ 1890 г. настоятелемъ Черкасскаго собора и съ 1892 года настоятелемъ Преображенской Смѣлянской церкви. Съ 1864—1874 г. благочиннымъ 3-го округа Васильковскаго уѣзда; съ 1883—1890 г. благочиннымъ 5-го округа Звенигородскаго у. и съ 1890—1892 г. благочиннымъ 1-го округа Черкасскаго уѣзда и предсѣдателемъ уѣзднаго отдѣленія училищнаго совѣта.

Назначеніе почившаго о. протоіерея настоятелемъ Черкасскаго собора произошло такимъ образомъ. Въ 1890 году на мѣсто настоятеля Черкасскаго собора епархіальнымъ начальствомъ были избраны и представлены Владыкѣ-Митрополиту два кандидата: священникъ с. Сухой-Калигорки П. И. Гуковичъ и с. Лесекъ І. Л. Кудревичъ (нынѣ настоятель Черкасскаго собора). Одного изъ представленныхъ епархіальнымъ начальствомъ, именно П. И. Гуковича, Владыка утвердилъ въ должности настоятеля собора „согласно выбору начальства“. Но не долго протоіерей Гуковичъ пробылъ въ Черкасахъ. Отсутствіе церковнаго помѣщенія, скудость матеріальныхъ средствъ и многосемейность почившаго, все это побудило его въ 1892 году испросить перемѣщеніе къ Преображенской Смѣлянской церкви, гдѣ 1-го августа сего года и нашелъ онъ вѣчное упокоеніе послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни.

3-го августа состоялось погребеніе почившаго, которое совершалъ товарищъ его, настоятель Черкасскаго собора,

протоіерей І. Л. Кудревичъ, въ сослуженіи двухъ протоіереевъ, 9 священниковъ и 4 діаконовъ.

А. К.

Священникъ А. С. Высоцкій.—18-го мая сего года скончался, на 77 году жизни, священникъ Успенской церкви м. Мошенъ, Черкасскаго уѣзда, Александръ Стефановичъ Высоцкій, духовникъ 4-го благочинническаго округа Черкасскаго уѣзда.

О. Александръ Высоцкій, студентъ Кіевской духовной семинаріи, рукоположенъ во священника въ годъ окончанія имъ курса семинаріи—1847, къ церкви м. Мошенъ, гдѣ и состоялъ священникомъ свыше 50-лѣтъ. Мая 2 дня 1898 г. за 50-лѣтнюю службу въ санѣ священника награжденъ былъ орденомъ св. равноап. Владиміра 4-й степени, а 12-го марта 1899 года утвержденъ былъ духовникомъ 4 благочин. округа Черкасскаго уѣзда. Выдающеюся чертою дѣятельности почившаго отца Александра—была любовь къ церковно-школьному дѣлу. Примѣрное усердіе и ревность его въ обученіи дѣтей прихожанъ обратили на него вниманіе еще въ 1860 г. митрополита Арсенія, наградившаго за этотъ трудъ о. Александра набедренникомъ. Въ другой разъ резолюціей Его Преосвященства, послѣдовавшей на объѣздномъ журналѣ (см. Кіев. Еп. Вѣд. № 2, 1875 г.), „за попеченіе о церковно приходской школѣ, обученіе учениковъ и ученицъ грамотѣ и пѣнію", священнику Александру Высоцкому выражена благодарность. 12 мая 1885 г. епархіальнымъ начальствомъ утвержденъ онъ былъ наблюдателемъ церковно-приходскихъ школъ по 5 окр. Черкасскаго уѣзда, и въ награду за наблюдательскіе труды получилъ библію отъ Св. Сѵнода, „въ поощреніе любви его къ дѣтямъ, являемой дѣломъ и истиною".

„Жительствовавъ во благочестіи, и украшенъ священникъ Твой, Христе, жрецъ и приноситель божественныхъ таинствъ, Александръ; Твоимъ божественнымъ повелѣніемъ прейде отъ

житейскихъ молвъ къ Тебѣ; егоже яко священника, Спасе, пріимь спаси, и съ праведными упокой, егоже пріялъ еси, великія ради Твоея милости“ (стих. гл. 6 изъ чина погребенія священниковъ).

23 іюля сего года скончался **священникъ** с. Темберщины, Васильковскаго уѣзда **Іоаннъ Андреевичъ Суховольскій** По окончаніи курса въ Кіевской духовной семинаріи (1875), въ теченіе пяти лѣтъ проходилъ онъ должности—учителя и преподавателя Закона Божія въ начальныхъ училищахъ. Въ 1880 году рукоположенъ въ священника къ Николаевской церкви села Вобрицы, Каневскаго уѣзда, и здѣсь проявилъ свое особое усердіе въ дѣлѣ народнаго образованія, снискавшее ему архипастырское благословеніе, а потомъ и назначеніе членомъ и секретаремъ Каневскаго уѣзднаго отдѣленія епархіальнаго училищнаго совѣта. Въ 1891 году перемѣщенъ, согласно прошенію, священникомъ с. Темберщины, Васильковскаго уѣзда. Педагогическая опытность о. Іоанна Суховольскаго и здѣсь нашла себѣ достойное примѣненіе. За ревность и усердіе въ дѣлѣ благоустроенія церковно-приходскихъ школъ награжденъ онъ былъ въ 1892 г. библіей отъ Св. Сѵнода; а отъ 26 іюня 1900 г. назначенъ былъ постояннымъ членомъ Васильковскаго отдѣленія епархіальнаго училищнаго совѣта. Немного пожилъ въ священствѣ отецъ Іоаннъ, но сохранилъ въ себѣ духъ искренней любви къ просвѣщенію народа въ истинахъ православной вѣры и церкви. За святое дѣло просвѣщенія христіанскаго да воздастъ почившему Отецъ Свѣтовъ прощеніе грѣховъ и съ блаженными упокоеніе.

Иноепархіальная хроника.

О церковномъ чтеніи.—Въ числѣ статей, поступившихъ въ редакцію Кіев. Еп. Вѣд. за прежніе годы, есть одна,

подъ заглавіемъ: „Мысли стараго сельскаго священника“ (о псаломщикахъ и церковной школѣ) І. Ж. Почтенный іерей съ сожалѣніемъ отмѣчаетъ замѣченныя имъ ошибки и нерадивость въ церковномъ чтеніи со стороны нашихъ псаломщиковъ. Псаломщики наши (въ деревняхъ) читаютъ спѣшно и читаютъ, коверкая слова и ударенія: „научу беззаконія“, „во утробу Давидовыя или дивныя вселился еси“, „лица́ ваши не постыдятся“, „храни Господь кості́ ихъ ни едина, отъ нихъ сокрушиться смерть“, „яко орля́ юносты твоя“, „хранящую истину вѣкъ творящаго, судъ обидимымъ дающаго“, или „пѣснь вошлемъ чуждему богу нашему“, „омраченный поетъ тя духъ твой“, „огненное прещеніе мужески поправше радовахуся, поетъ взывающе отъ смысла“, „хвалите его слонце и луна“, „отло́жимъ попеченье“ и т. под. Нелишнимъ въ виду этого считаемъ перепечатать бесѣду—„О церковномъ чтеніи“ изъ Орловскихъ Епарх. Вѣдом. (№ 32, 1901 г.), въ надеждѣ, что о.о. настоятели церквей прочитаютъ ее къ свѣдѣнію нашихъ псаломщиковъ.

Великая важность церковнаго чтенія заключается въ томъ, что оно составляетъ значительную часть Богослуженія, которое есть выраженіе нашего духовнаго общенія съ Богомъ, частію молитвеннаго, частію священно-таинственнаго. Изъ сего открывается, что церковное чтеніе должно быть совершеннѣйшимъ и наилучшимъ, насколько Богъ выше и совершеннѣе всего и насколько отношенія наши къ Богу должны во всемъ быть запечатлѣнными самыми высокими качествами и свойствами.

Церковное чтеніе—это дѣло Божіе, а пророкъ Божій гласитъ: „проклятъ всякъ, творяй дѣло Божіе съ небреженіемъ“. Небрежности противоположно тщаніе. Посему добрые чтецы должны быть тщаніемъ не лѣниви, Господеви работающе.

Но какъ исполнить этотъ великій и святой долгъ церковнымъ чтецамъ? Какія можно указать о семъ руководственные взгляды и правила?

Это великое и святое дѣло должно быть совершеннѣйшимъ.

Изъ множества возможныхъ степеней совершенства въ церковномъ чтеніи можно указать важнѣйшія три степени.

Первая степень хорошаго церковнаго чтенія состоитъ *въ правильности*, т. е. въ такомъ произношеніи словъ, какое требуется церковно-славянскою рѣчью, не допускающей тѣхъ видоизмѣненій, какія бываютъ при произношеніи русской рѣчи, тамъ нерѣдко е переходитъ въ ё, а въ о и наоборотъ, такъ что „его" нельзя замѣнить „ево", „помилуй—памилуй". Непростительно также смѣшивать ниже́ (и не) съ ни́же (русск. слов. не употребл. въ слав.), горѣ́ съ го̀ре. Далѣе правильностію требуется, чтобы такія славянскія слова, какъ напр. и (ихъ) не произносились за союзъ и. Понятно, что знаки препинанія тоже должны быть строго соблюдаемы, причемъ для запятой можетъ быть удѣляемо время въ одинъ тактъ, для двоеточія въ два такта, для точки въ три, а когда ею оканчивается особливое чтеніе (псаломъ)—четыре и болѣе, такъ какъ при окончаніи, для означенія необходимости пѣть или сказывать эктенію, должно еще сдѣлать нѣкоторое удлиненіе послѣднихъ звуковъ чтенія, что придаетъ чтенію особенный характеръ который и вездѣ долженъ быть нѣсколько *пѣвучимъ*, а вмѣстѣ съ тѣмъ *и неторопливымъ*.

Неспѣшность чтенія есть одно изъ первыхъ условій правильности чтенія.

Крайне неудобны *ошибки* въ церковномъ чтеніи, и дерзостнымъ является чтецъ церковный, читающій неправильно, потому что здѣсь искаженіе словъ можетъ быть хулою на Бога и святыхъ его. Такъ напр., когда вмѣсто во утріе избивахъ читаютъ избавляхъ, чѣмъ извращается все содержаніе псалма (на первомъ часѣ).

Чтобы избѣжать сихъ и подобныхъ ошибокъ нужно нетолько читать неторопливо, но и готовиться къ чтенію, или, по крайней мѣрѣ, просмотрѣть то, что предстоитъ читать, особенно въ новомъ мѣстѣ, по новымъ невиданнымъ книгамъ. Можетъ, наприм., случиться читать канонъ по книгѣ, отпечатанной при Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, или при другомъ комъ, гдѣ очевидно должна быть замѣна именемъ современнаго Государя. Бываетъ, когда этой замѣны и не должно быть, напр. въ день воспоминанія Полтавской битвы, когда Императоръ Петръ упоминается какъ побѣдоносецъ. Можетъ случиться, что выпадетъ слѣдующій листъ, или оторвется уголъ листка, или закапано будетъ необходимое слово. Чрезъ предварительный просмотръ всѣ затрудненія вытекающія изъ сихъ обстоятельствъ могутъ быть устранены, а съ ними и ошибки.

Неспѣшность чтенія полезна и самому читающему, ибо чрезъ это онъ своевременно имѣетъ необходимый отдыхъ, неизбѣжный при чтеніи длинномъ. И таковой чтецъ постепенно привыкаетъ къ чтенію отчетливому, раздѣльному и ясному. Напротивъ же, тотъ чтецъ, который читаетъ торопливо, онъ постепенно крадетъ сначала многіе слоги, потомъ слова и даже рѣченія, такъ что у него правильности чтенія уже не бываетъ никогда, ибо онъ не читаетъ, а какъ бы отбарабаниваетъ языкомъ своимъ что-то неопредѣленное, въ которомъ слышится какой-либо излюбленный звукъ, напр. е, е, е, или о, о, о, который онъ гудитъ и тогда, когда неразберетъ то или другое слово. Это, такъ называемое, пономарское чтеніе безсмысленное, о которомъ эти несчастные люди сами говорятъ: отзвонилъ и съ колокольни долой. Но быть мѣдью звѣнящею, вмѣсто человѣка, стыдно и грѣшно. Еще грѣшнѣе отзываться потомъ, что языкъ перебитъ и потому не можетъ прочесть даже „Отче нашъ" или „Вѣрую".

Первое предупрежденіе противъ перебитости языка—это чтеніе не наизусть, а по книгѣ, какъ бы по складамъ и пѣвучее.

Пѣвучимъ, а не разговорнымъ или речитативнымъ, церковное чтеніе должно быть потому, что этого требуетъ общій тонъ церковнаго богослуженія, имѣющаго много чтеній, поющихся скоро или протяженно. Общность тона (тональность) требуетъ и того, чтобы чтеніе было одинаково громко или тихо, сообразно съ числомъ молящихся и мѣстомъ чтенія, ибо понятно, что чтеніе для двухъ лицъ не можетъ быть такое же, какъ и для тысячи, гдѣ требуется наибольшее усиліе голоса. Однако, никакимъ стеченіемъ народнымъ нельзя оправдать того выкрикиванія конечныхъ словъ апост. чтеній, которое практикуютъ нѣкоторые дерзкіе чтецы. Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не замѣтить, что великимъ постомъ и особенно на похоронахъ долженъ поддерживаться иной тонъ, нежели за великопраздничными чтеніями.

Вообще же церковное чтеніе всегда должно быть въ границѣ среднихъ тоновъ, чтобы быть вполнѣ членораздѣльнымъ, ясно слышимымъ даже старцами, изъ коихъ у многихъ начинаетъ притупляться слухъ. А чтобы помочь этой немощи, должно читать въ храмѣ съ мѣстъ серединныхъ и по возможности возвышенныхъ. Завѣдомо же глуховатыхъ нужно просить становиться поближе къ чтецу, а также и позаботиться о томъ, чтобы никто и ничѣмъ не нарушалъ достодолжной тишины и порядочности вообще, необходимыхъ всегда и въ особенности при чтеніи церковномъ.

Вторая степенъ лучшаго чтенія есть чтеніе *толковое*, когда чтецъ читаетъ, разумѣя, что́ читаетъ и такъ осмысленно читаетъ, что даетъ возможность понимать читаемое и слышащимъ. Здѣсь особенное значеніе имѣетъ такъ называемое *логическое* удареніе на главной мысли или чувствѣ, изображаемомъ въ читаемомъ. При чтеніи толковомъ всякій оттѣнокъ

мыслей и чувствъ выражается соотвѣтствующимъ тономъ голоса, но особенно своеобразный тонъ придается тѣмъ словамъ, въ которыхъ заключаются главныя мысли и чувства. Глубокая печаль, торжественная радость, величественное славословіе, все это должно находить въ голосѣ читающаго свое особое выраженіе.

Эта ступень чтенія можетъ быть доступна людямъ болѣе или менѣе разумнымъ, получившимъ достаточное развитіе, когда человѣкъ бываетъ въ состояніи не только понимать мысли каждаго отдѣльнаго предложенія, но способенъ слѣдить за общимъ ходомъ ихъ, уразумѣвать ту (логическую) нить, которая внутренно связуетъ ихъ и даетъ имъ то или другое достоинство и значеніе молитвенное.

Кромѣ осмысленности здѣсь многое зависитъ и отъ способности выразить толково читаемое.

Посему, кромѣ изученія читаемаго (всесторонняго), требуется еще и немалое упражненіе въ томъ, чтобы понятое (надлежаще) выразить въ соотвѣтственныхъ толковыхъ способахъ произношенія.

Толковое чтеніе такъ цѣнится повсюду, что ему обучаютъ въ старшихъ отдѣленіяхъ низшей школы, а еще болѣе въ школѣ средней, въ которой почти нельзя и учиться, не умѣя читать толково.

Церковь есть училище благочестія для малыхъ и совершенныхъ. Посему требованіе отъ церковныхъ чтецовъ чтенія толковаго есть требованіе насущное. Еще ап. Павелъ говорилъ, что лучше сказать нѣсколько словъ съ пониманіемъ, нежели тысячи безъ пониманія. Но, если читающій не понимаетъ читаемаго, то онъ затруднится прочесть такъ, чтобы самымъ чтеніемъ дать понять читаемое, хотя бы и отчасти. Отсюда очевидно, что для толковаго чтенія необходимо чтецу много и долго готовиться, какъ теоретически, такъ и практически.

Теоретическая подготовка къ толковому церковному чтенію должна обнимать разное знакомство со всѣми предметами, входящими въ составъ церковнаго чтенія, особенно же съ книгою Псалтирь, такъ какъ почти на каждой службѣ читается нѣсколько псалмовъ. Можно сказать даже, что вся Псалтирь каждымъ чтецомъ должна быть пройдена съ возможнымъ для его возраста и пониманія толкованіемъ, начиная съ перевода словъ и оканчивая усвоеніемъ содержанія всего псалма. Такіе псалмы, какъ 50 и 33 должны быть изучены и наизусть, равно какъ и молитвы постоянно употребляющіяся, какъ напр., „Иже на всякое время“... Незнаніе ихъ такъ же не извинительно, какъ и незнаніе рѣдко встрѣчающихся и такъ сказать необычайныхъ словъ, напр., котва (якорь), іеродіево (аиста) жилище, нырище (развалина), неясыть (пеликанъ) и т. под. Еще непростительнѣе многія славянскія рѣченія понимать по-русски, напр. выну (всегда) въ смыслѣ глагола вынимать.

Чтенія паремій, канововъ и т. под. перемѣнныхъ чтеній представляютъ еще большія трудности, а потому и изученіе ихъ должно быть болѣе тщательное. Практически можно подготовляться ко всякому чтенію, чтобы оно было толковымъ, хотя-бы чтеніе это было и знакомое, ибо для произношенія въ слухъ многихъ должны быть особые пріемы, которыхъ могъ не держаться прочитывавшій для себя. Имѣющій возможность приготовиться читать толково можетъ, такъ сказать, разумно служить Богу, содѣйствуя молитвѣ общей. И наоборотъ, читая нетолково, чтецъ можетъ своимъ безпорядочнымъ чтеніемъ разстраивать доброе религіозное настроеніе и вводить даже въ соблазнъ. Посему всемѣрно должно работать надъ собою, чтобы сознаніе ума и желаніе воли послужить общему благу и спасенію могло осуществляться и по силѣ нашего участія въ ономъ чрезъ церковное чтеніе и его благодѣтельное вліяніе на слушателей.

Существенное свойство разумнаго чтенія опредѣляется логическимъ удареніемъ, которое должно дѣлаться на главной мысли въ читаемомъ вообще и въ частности въ каждомъ предложеніи. А посему очевидно, что для толковаго чтенія необходимъ грамматическій разборъ читаемаго и въ особенности отличіе глаголовъ, какъ выразителей сущности дѣла, мысли или чувства. Отсюда открывается, что для навыковъ чтенію толковому необходимо многократное прочтеніе того, что должно читаться, и притомъ прочтеніе съ глубокою вдумчивостію въ содержаніе чтенія.

Третью степень болѣе совершеннаго чтенія составляетъ чтеніе *умилительное*, которое состоитъ въ томъ, что чтецъ читаетъ съ духовною настроенностію сердца и производитъ душеспасительное дѣйствіе на слушателей.

Умилительность, какъ показываетъ и самое это слово, есть пріятность. Поэтому читаемое должно быть мило, пріятно самому чтецу. Онъ долженъ, такъ сказать, самъ пережить и перечувствовать тѣ чувства, которыя должны быть внушаемы чтеніемъ, и, переживши ихъ, чрезъ свое умилительное чтеніе передать его слушателямъ. Въ мірѣ свѣтскомъ такіе чтецы называются художниками, а чтеніе ихъ художественнымъ. Для церковнаго чтенія требуется меньшее. Тутъ не столько важенъ талентъ, сколько живая сердечность и вообще духовная настроенность. Эта духовная настроенность, какъ благодатный даръ (помазанія), должна быть всегда присуща церковному чтецу. Но разности чтеній должны возбуждать въ немъ разные виды и формы умилительности. Такъ напр. при чтеніи о могущественномъ твореніи міра Божія чрезъ слова „рече и быша, повелѣ и создашася“, необходимо выразить такую силу, которая бы невольно возбуждала въ слушателяхъ страхъ и благоговѣніе предъ всемогуществомъ Божіимъ. При чтеніи грустной исторіи о продажѣ Іосифа должно постараться возбудить печаль о нашей жестокости и черствости, какъ при

чтенія о злостраданіяхъ Іова—чувство безпредѣльной преданности Богу и могуществу Его Провидѣнія.

Грозныя рѣчи пророковъ и особенно прещенія Божія, угрозы и проклятія должны имѣть свой особый характеръ произношенія. Но при этомъ должно помнить, что многое изъ того, что свойственно было ветхозавѣтнымъ людямъ, теперь это должно имѣть болѣе умѣренную силу, такъ какъ въ новозавѣтной церкви болѣе царствуетъ благодать и милость, нежели страхъ и наказанія. Особенною любвеобильностію должны быть поучительныя чтенія изъ Апостола, гдѣ не рѣдко встрѣчаются живыя обращенія къ слушателямъ съ наименованіемъ ихъ братіями. Слѣдовательно, здѣсь братская любовь, желающая спасеніе вѣрнымъ, должна быть самымъ господственнымъ чувствомъ церковнаго чтеца.

При чтеніи поучительныхъ и назидательныхъ чтеній чтецъ является какъ бы благовѣстникомъ и проповѣдникомъ церковнымъ, посему во многомъ онъ можетъ руководствоваться здѣсь тѣми правилами и совѣтами, которыя предписываются наукою о проповѣдничествѣ (гомилетикою). А когда чтецъ выступаетъ какъ молитвенникъ отъ лица предстоящихъ, то онъ является, какъ бы предстоятель или священнослужитель церковный, а потому онъ долженъ руководствоваться всѣми тѣми высокими правилами, которыя внушаются пастырямъ церкви для ихъ спасительнаго воздѣйствія на ввѣренныхъ ихъ помощи и руководству въ дѣлѣ спасенія. Изъ сего открывается, что хотя наши чтецы называются церковно-служителями, но, пользуясь высшими способами своего служенія, они могутъ быть и бываютъ и священно-служителями, дѣйствуя на слушающихъ ихъ священно-таинственно, чрезъ вліяніе глагола Божія, возвѣщаемаго ими въ рѣчахъ Пророковъ, Апостоловъ, Святыхъ Божіихъ и Самого Христа и Бога.

Сознаніе божественности совершаемаго дѣла и особенно его великой важности и спасительности для множества хри-

стіанъ должно всегда возбуждать и воодушевлять къ наилучшему чтенію церковному, чтобы всячески помочь общему спасенію всѣхъ. Только нравственно-глухой и бездарный человѣкъ можетъ не понимать своего высокаго священнаго назначенія. И напротивъ, всякій сознающій себя христіаниномъ постарается всемѣрно соотвѣтствовать своему великому назначенію.

Св. Церковь наша, стараясь приготовить чтецовъ къ достодолжному служенію ихъ, такъ увѣщеваетъ каждаго изъ нихъ, чрезъ епископа, при посвященіи въ стихарь: „Чадо, первая степень священства есть степень чтеца. Поэтому тебѣ слѣдуетъ ежедневно читать божественныя писанія, чтобы слушающіи, видя это, восприняли бы это къ созиданію ихъ спасенія и тебѣ самому дана была бы большая степень и никоимъ образомъ ты не постыжалъ бы жребія избранія твоего, и живя цѣломудренно, свято и праведно, ты сподобился бы наибольшаго служенія во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Ему же слава во вѣки вѣковъ“.

Этотъ гласъ церковный призываетъ и всѣхъ псаломщиковъ къ достодолжному служенію въ степени чтецовъ. И имъ всѣмъ обѣщаются возможныя возмездія здѣсь, а еще большія тамъ, на небесахъ, ибо непреложно слово Господне: иже сотворитъ и научитъ, сей велій наречется въ Царствіи небесномъ“.

Библіографическая замѣтка.

1. Русскія Четьи-минеи. *Житіе и страданіе св. мученицъ: Минодоры, Митродоры и Нимфодоры* (10 сент.).

2. *Житіе преп. и богоносн. отца нашего Симеона Столпника* (1 сент).

3. *Житіе и страданіе св. мученика Мamanта* (2 сент.).

4. *Страданіе св. всехвальной великомученицы Евфиміи.* (16 сент.).

5. *Житіе преп. отца нашего Харитона Исповѣдника.* (28 сент.)

Изд. Моск. Сѵнод. типографіи 1901 г. Съ изображеніями святыхъ и примѣчаніями въ текстѣ.

Задуманное нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ управленіемъ Московской Сѵнодальной типографіи дѣло изданія четьихъ-миней на русскомъ языкѣ начинаетъ постепенно осуществляться. Предъ нами 5 отдѣльныхъ брошюрокъ, поступившихъ въ продажу.

Эти брошюры—первый опытъ той спеціально образованной при Московской Сѵнодальной типографіи коммиссіи, которая и занимается изданіемъ четьихъ-миней на русскомъ языкѣ. Предсѣдателемъ коммиссіи состоитъ преосвященный Парѳеній, епископъ Можайскій, подъ цензурой котораго и выходятъ труды этой коммиссіи. Членами же ея, число которыхъ превышаетъ въ настоящее время двадцать человѣкъ, состоятъ: профессоры—В. О. Ключевскій и М. И. Соколовъ, управляющій, помощникъ управляющаго и 5 человѣкъ, составляющихъ собою такъ-называемую „Правильную палату“ Московской Сѵнодальной типографіи, 8 священниковъ города Москвы, 4 преподавателя Московской духовной семинаріи и нѣкоторыя др. лица.

Предположено издать на русскомъ языкѣ всѣ 12 мѣсяцевъ четьи-миней, по руководству славянскихъ миней Св. Димитрія Ростовскаго. Славянскія минеи будутъ нѣсколько дополнены, и прежде всего тѣми житіями, которыхъ тамъ нѣтъ; такъ напримѣръ, значительно дополненъ будетъ отдѣлъ житій русскихъ святыхъ. Проф. В. О. Ключевскій и будетъ руководить именно тѣми членами коммиссіи, которые будутъ заниматься этимъ отдѣломъ. Вновь будетъ введенъ также отдѣлъ грузинскихъ святыхъ (по руководству мѣсяцеслововъ

архіепископа Владимірскаго Сергія), и, кромѣ того, будутъ краткія объяснительныя примѣчанія къ тексту, совершенно необходимыя для большинства тѣхъ читателей, которые имѣются въ виду (то-есть простой Русскій народъ). Таковы самыя общія свѣдѣнія объ этомъ столь важномъ и отвѣтственномъ дѣлѣ.

Первые труды означенной коммиссіи, только что нами въ заголовкѣ отмѣченные, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что и осуществляется это дѣло такъ же умѣло, основательно и во всѣхъ отношеніяхъ осмотрительно и осторожно, хотя и нѣсколько медлительно, какъ умѣло, основательно и цѣлесообразно оно и было задумано. Переводъ со славянскаго исполненъ очень удачно. Въ русскомъ текстѣ вполнѣ сохраненъ тотъ особеный „четьи-миней“ духъ, который такъ хорошо извѣстенъ всѣмъ въ великомъ трудѣ святителя Димитрія. Вмѣстѣ съ тѣмъ переводчики очень хорошо, съ полнымъ сохраненіемъ духа оригинала, передѣлываютъ нерѣдко довольно пространные славянскіе переводы въ болѣе понятныя для простаго народа, но менѣе пространныя, русскія предложенія. Во всякихъ, отдѣльно взятыхъ, трудностяхъ видно полное вниманіе къ смыслу рѣчи, къ истолкованію смысла и даже къ выбору наиболѣе подходящаго, синонимическаго оригиналу русскаго выраженія.

Благодаря всѣмъ этимъ стараніямъ и пріемамъ переводчиковъ, у читателя русскаго перевода вполнѣ сохраняется и то благоговѣйно-возвышенное отношеніе къ повѣствованію, какъ священно-религіозному сказанію, а не просто обиходно-житейскому разсказу, которое Русскій человѣкъ уже 200 лѣтъ питаетъ къ четьи-минеямъ. Очень хорошо, что переводчики хотя и передаютъ текстъ оригинала на совершенно чистый и современный русскій языкъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сохраняютъ въ немъ и нѣчто такое, что принято называть славянизмами. Такъ весьма разумно то, что сохранено въ заглавіи брошюръ

церковно-славянское глубокое выраженіе „житіе“, а не замѣнено ничего неговорящимъ русскимъ выраженіемъ—жизнь. Пріемъ печатать всѣ тексты Св. Писанія по-славянски, а не по-русски, такъ же весьма похваленъ, такъ какъ придаетъ и Слову Божію особенное значеніе, да и все вообще изданіе выдѣляется изъ шаблонно-свѣтскихъ изданій хотя бы то и духовнаго содержанія. А прекрасно исполненныя изображенія святыхъ и приводимыя по-славянски же (въ концѣ житія) тропарь и кондакъ святому заставляютъ читателя относиться къ самой хотя бы то и маленькой брошюркѣ настоящаго изданія съ чувствомъ самаго полнаго и совершенно чистаго церковно-религіознаго благоговѣнія.

Несомнѣнно, что настоящее, первое Сѵнодальное, изданіе четьихъ-миней на русскомъ языкѣ оставляетъ за собою далеко позади всѣ частныя попытки этого рода какъ по существу отношенія къ дѣлу, такъ и по совершенству его исполненія.

(Моск. Вѣд. № 164). Свящ. *А. Полозовъ.*

Редакторъ неоф. части священникъ *Ѳ. Титовъ.*

Помощникъ редактора священникъ *І. Троицкій.*

Содержаніе: Слово въ день Рождества Пресвятыя Богородицы, въ храмовой праздникъ Кіево-Софійскаго собора.—Обезпеченіе духовенства путемъ взаимопомощи.—Епархіальная хроника.—Иноепархіальная хроника.—Библіографическая замѣтка.

Отъ Кіевск. дух. цензур. Комитета печат. дозв. 16 сентября, 1901 г.
Предсѣдатель Комитета, проф. Академіи, прот. *І. Корольковъ.*
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра.
Акціон. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго. Меринговская улица.